

Публикации аспирантов

УДК 413.12

Арименова Р.С.

Бурятский государственный университет (г. Улан-Удэ)

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА НА ПРИМЕРЕ ФАУНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ МОНГОЛЬСКИХ И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

R. Arimenova

Buryat State University, Ulan-Ude

THE LEXICAL MEANING OF THE WORD AS AN EXAMPLE OF FAUNA (BASED ON THE MONGOLIAN AND RUSSIAN LANGUAGES)

Аннотация. Статья посвящена исследованию фаунистической лексики в монгольских и русском языках с точки зрения их происхождения. В частности, рассматриваются такие дикие и домашние животные, как волк, медведь, олень, собака. Сделана определенная попытка по выявлению значения их производных форм, по выяснению этимологии лексем, а также сходств и различий между ними. Тесная взаимосвязь названий фауны с историей, мышлением и этнографией народа открывает широкие перспективы для изучения данной лексической подсистемы.

Ключевые слова: фаунистическая лексика, значение слова, фауна, природа, дикие и домашние животные.

Abstract. The article is devoted to faunistic vocabulary of Mongolian and Russian languages in terms of their origin. In particular, the author studies such wild and domestic animals as a wolf, a bear, a deer, a dog. The author made an attempt to identify the meaning of their derivative forms, to clarify the etymology of the lexemes, as well as similarities and differences between them. The close interrelations between faunal vocabulary, and the nation's history, mentality and ethnography opens huge prospects for further study of this lexical sub-system.

Key words: faunistic vocabulary, lexical meaning, fauna, wildlife, wild and domestic animals.

По сей день наиболее непостижимой и столь же притягательной для изучения со стороны языкознания, психологии, лингвистики и прочих наук является тема соотношения языка и человеческого сознания. Чтобы понять мысль, высказанную на том или ином языке, человек должен знать значение употребленных в предложении слов, должен владеть лексикой языка. Лексическое значение слова – исторически закрепленное в сознании говорящих содержание слова.

Основная функция слова заключается в обозначении, назывании предметов и явлений. Обозначая предмет, выражая понятие о нем, слово выполняет номинативную функцию, так как все познанные человеком предметы и явления имеют свои наименования. В языковой практике слова называют предмет и явление и одновременно обозначают понятие о них. Предполагают, что человек к моменту возникновения звуковой речи уже обладал предметным, практическим мышлением, благодаря которому у него имелись инвариантные представления о предметах и явлениях окружающей действительности, об их закономерных связях между собой. И это инвариантное представление постепенно стало выражаться зву-

ковым знаком, который будучи не похожим на обозначаемое, оказался наиболее удобной формой выражения обобщенного инвариантного образа (понятия).

Обозначение предмета звуковым комплексом не изменяется в течение длительного времени, а соотнесенное с этим словом понятие изменяется в зависимости от уровня познания данного предмета. Это отражается в толковых словарях разных языков. Например, в толковом словаре монгольского языка Я. Цэвэла слово «животное» толкуется так: «амьтан- хөдөлж мэдэрч чадах амьд юм» – «живое существо, способное двигаться и чувствовать». А в толковом словаре русского языка С. Ожегова отмечены более существенные признаки данного предмета: «животное – живой организм, существо, обладающее способностью двигаться и питающееся, в отличие от растений, готовыми органическими соединениями».

Т.А. Бертагаев, определяя термин «значение слова», пишет, значение есть трансформированное в процессе общения людей и реализованное в нем адекватное и приближенное отражение в сознании дискретных элементов действительности, их связей и взаимоотношений [Бертагаев Т.А., 1974, с. 105]. Значит, слово может не только обновляться, но и зарождаться на основе семантических изменений, оставляя нетронутой свою фонетическую структуру. Далее формируется закон цепного развития значений слов, суть которого состоит в том, что в ходе постепенного наращивания и развертывания того или иного значения в слове образуется диахронная цепь значений из её синхронных узловых, семантических звеньев. Исследование изменений значений слова по семантической цепи ведётся в тесной связи с рассмотрением экстра- и внутрилингвистических факторов.

Слова в языке существуют не изолированно друг от друга, а объединяются в речи с помощью отдельных значений. Именно поэтому и происходит соединение слов в тематические группы. Исследование тематических групп смыкается с практическими задачами большой важности.

Фауна как объект окружающего нас мира вызывает всевозрастающий исследовательский интерес. Будучи составной частью проблемы «человек и окружающая среда», она рассматривается как в плане биологическом, так и через призму общественных наук. Исходя из активного творческого характера процесса познания как общественно-исторического акта, направленного на отражение объективной действительности в сознании человека [Алексеева А.Л., 2006, с. 235], фаунистическая лексическая подсистема может быть определена как самобытно выделяющаяся область лексики, основанная на общественных реалиях (названиях животных) окружающего нас мира. Фауна (от лат. fauna – богиня лесов и полей – покровительница животных в римской мифологии) – исторически сложившаяся совокупность видов животных, обитающих на определенной территории. Термин «фауна» применяется относительно совокупности животных какой-либо систематической категории.

Лексика фауны (бур. **амитанай аймаг**; монг. **амьтны аймаг**, **адгуус амьтан**) состоит из следующих лексико-семантических групп:

- млекопитающие: бур. **һун гэжээлтэ**, монг. **хөхтөн**;
- птицы: бур. **шубууд**, монг. **шувуу**;
- насекомые: бур. **хорхой шумуул**, монг. **шавьж**;
- рыбы: бур. **загаһад**, монг. **загас**;
- пресмыкающиеся: бур. **мүлхигшэ амитад**, монг. **мөлхө амьтад**;
- земноводные: бур. **газар уһанай амитад**, монг. **хоер нутагтан** и т. д.

В данной статье предпринята попытка исследования значений слов на примере лексики фауны на материале монгольских и русского языков, выявления особенностей, присущих данным языкам, а также сходств и различий между ними. Лексика фауны хранит в себе огромную историческую информацию. Роль животных в жизни человека всегда была исключительно велика, особенно на ранней стадии развития человечества, когда люди и звери сосуществовали в естественном соседстве: животные включались в социальную ие-

рархию, в человеческом обществе жили идеи о происхождении данного коллектива от животного, оно представлялось как особая ипостась человека. Тесная взаимосвязь названий фауны с историей, мышлением и этнографией народа открывает широкие перспективы для изучения универсальных и частных особенностей в их номинации данными народами.

В монгольских языках данная тематическая группа лексики практически не подвергалась специальному исследованию. Так, ещё в 1960-е годы Т.А. Бертагаев в работе «Лексика современных монгольских литературных языков» писал: «Лексикология монгольских языков является самым слабым местом в монголоведении. Если фонетика и морфология в какой-то степени исследованы, то этого нельзя сказать в отношении лексики» [Бертагаев Т.А., 1961, с. 43]. В 1980-е гг. появилась небольшая работа Э.Ч. Бардаева, посвященная калмыцким названиям птиц в сопоставлении с тюркскими и тунгусо-маньчжурскими языками [Бардаев Э.Ч., 1988]. Отдельные слова данной тематической группы лексики подвергались анализу и в работах по диалектологии, например: Н.Н. Поппе «Аларский говор» (1930), Ц.Б. Цыдендамбаев «Руководство для сбора материалов по говорам бурят-монгольского языка» (1957), Д.А. Абашеев «Тункинский говор» (1965), Ц.Б. Будаев «Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении» (1979), «Бурятские диалекты. Опыт диахронического исследования» (1992).

Следует подчеркнуть, что изучение данной группы лексики русского языка было положено во второй половине XX в., причем в рамках теоретических исследований общего характера. В частности, в 70-х гг. появилась монография М.А. Бородиной и В.Г. Гака «К типологии и методике историко-семантических исследований» (1979). В монографии рассматриваются развитие внешней формы номинации, развитие семантики слова и структуры лексических групп, развитие слова на уровне речи.

В период 80-90х гг. Ф.П. Филиным опубликован ряд теоретических работ, в частности монографии: «Происхождение русского,

украинского и белорусского языков» (1972); «Истоки и судьбы русского литературного языка» (1981); статья «О происхождении праславянского языка и восточнославянских языков» (1980). Автор считает, что отсутствие исконно славянских названий, относящихся к степям, горам и морям с их специфическим животным и растительным миром, и наличие массы наименований особенностей ландшафта, животных и растений, характерных для лесов и лесостепи с умеренным климатом, нельзя признать случайностью, с которой можно не считаться. «Идея неразрывной связи языка с жизнью народа – это важнейшие пласты словарного состава языка, связанные с обозначением самых основных явлений материальной и духовной культуры народа, характеризующие народное мышление» [Филин Ф.П., 1980, с. 40].

П.Я. Черных в своих фундаментальных трудах [«Очерк русской исторической лексикологии», «Историческая грамматика русского языка», 1956] рассматривает пути развития данной лексической группы. Следует отметить большой раздел «Общеславянский словарный фонд и его развитие в древнерусскую эпоху» [Очерк русской исторической лексикологии], где словарный состав рассматривается по главным семантическим группам (животный мир, человек, люди, терминология родства, природа, труд, материальная и духовная культура), сообщаются определенные сведения об отличиях восточнославянской лексики от лексики остальных славянских языков.

Несмотря на то что прошло несколько десятилетий, изучение различных тематических пластов лексики, в том числе и названий фауны, остается одной из важнейших задач современной лингвистики.

Подчеркнем, что добыча диких животных **зэрлиг амитан** или **ан гүрөөл** у монгольских народов имеет далекое историческое прошлое. В древности она составляла основу хозяйственной жизни существования людей. В более поздний период на первый план выходят хозяйственные интересы, связанные со скотоводством. Охота **агнуури**, облавная

охота **аба хайдак** (вост.), **зэгэтэ аба** (зап.-бур.) занимала значительное место в хозяйстве древнего человека, охватывая фауну как таёжной, так и горно-степной и полупустынной зон. Значение охоты было велико из-за её непрерывности в течение круглого года и разнообразия добычи. Охота мясного направления была целиком ориентирована на удовлетворение личных нужд. Объекты мясной охоты зависели от времени года. В жаркое время охотились, как правило, на косулю – **анзаһан** (бур.) и кабаргу **хүдэри** (бур.). Охота на крупных животных (лось – **хандагай**, изюбрь – **буга**, медведь – **баабгай**) проводилась в начале осени и в течение зимы. Практика охоты на них в осенне-зимний период определялась и тем, что в летнее время из-за гнуса и жары мясо и шкуры этих зверей были плохого качества.

Мясо диких животных **зэрлиг амитанай мяхан** (бур.) оценивалось по-разному: особенно ценилось мясо кабана **бодон гахайн мяхан** (бур.). Следующим по качеству шло лосиное мясо **хандагайн мяхан** (бур.). Изюбрина **бугын мяхан** (бур.) уступала другим видам по вкусовым свойствам, она быстро застывала. Мясо косули **анзаһанай мяхан** (бур.) ценилось в любое время, потому что не теряло вкусовых качеств ни зимой, ни летом.

Следует отметить, что у монгольских народов мясо диких (**зэрлиг**) животных всегда идентифицируется по вкусовым, цветовым, жировым качествам с мясом домашних (**тэжээмэл амитан**) животных.

Так, мясо кабана и медведя идентично конине, лосиное – говядине. **Баабгай** – медведь, **бодон гахай** – кабан, **шоно** – волк относят к животным с «горячей кровью» (халуун шанар, букв.: «горячего свойства»).

Известно, что начиная с каменного века образ волка **шоно** в традиционных верованиях разных народов, в том числе и монгольских, занимает важное место. У монгольских народов существовало табу **сээр**, запрещающее называть почитаемых диких животных, в частности волка, поэтому в речи употреблялись другие слова вместо прямого названия данного зверя. Это своего рода ма-

гический запрет, чтобы удача не отвернулась, и возник он, очевидно, из элементарных мер предосторожности на охоте.

Следует подчеркнуть, что лексема **шоно** (бур.), **чоно** (монг.), **чон** (калм.) – волк является общемонгольской. В качестве табу используются следующие названия **хээрын нохой** «степная собака», **тэнгэрийн нохой** «небесная собака», **һүүлтэ** «хвостатый», **нооһон толгой** «шерстяная голова», **хүдөөгэй таабай** «степной дедушка», **нагаса** «дядя», **алтан араата** «с золотыми клыками», **хүхэ шоно** «серый волк».

Как известно, в русском языке волк др.-рус. **вълкъ**, ст.-слав. **влькъ, вльк**, первоначально имело значение «растерзающий». Другим вариантом происхождения слова **волк** считается его связь с глаголом **волочить**, так как волк буквально «уволакивал» домашний скот. С мифологической точки зрения в славянской культуре волка связывают с собакой, при этом сам волк у многих народов ассоциировался с войной. Наблюдается сходство со словами «валить», «валить», «волна». Также слово **волна** не случайно находится в списке родственных, так как его обозначение может использоваться не только к водяному валу, но и к шерсти [волка]. В слове присутствует корень «uel», которое переводится как «щипать, дергать, рвать».

Медведь в бурятском языке обозначается словами **хара гүрөөһэн** «черная косуля», **таабай** «дедушка», **ойн эзэн** «лесной хозяин», **баабгай**. Можно полагать, что наименование **баабгай** возникло из слияния двух слов – **баабай** и **абгай**. Первое переводится как «отец», «предок», «праотец», «старший брат», «старшая сестра» (диал.). Под **абгай** понимается «старшая сестра», «жена старшего брата», «старший брат» (диал.). Говоря о медведе, часто используют эпитеты, например, «могучий дядя» **хүсэтэй абага** (**нагаса, хуряаха**), «одетый в доху» **дахатай үбгэн аба** (**үбгэн эсэгэ, нагаса аба, үбгэжөөл**), «мать-отец» **эхэ – эсэгэ** (**аба, баабай**) и т. д.

Для номинации медведя используется еще лексема **гүрөөһэн** (бур.) В зависимости от

зоологического вида выделяют **хара гүрөөхэн** (букв. черный медведь) или **сагаан гүрөөхэн** (букв. белый медведь). Можно предположить, что такое наименование возникло как производное от обобщающего термина **ан гүрөөл** «дикие звери».

С древнейшего времени славяне называют этого хищника иносказательно: **ест мед, медоед, любитель меда: рус. медведь, укр. медвідь, слов. medved, чеш. medved.** В Сибири запретным считалось слово *медведь*. Вместо него говорили **зверь, хозяин, бурый**. Срав. нем. *berog>bär*, собственно: бурый. Следует упомянуть о другом, хотя и межславянском, но малоупотребительном наименовании медведя. Срав: старослав. **мечькъ** – медведь, **мечька** – медведица, болг. **мечха** – медведь (медведица); серб. **мечха** – медведица, **мече** – медвежонок; в белорусском языке оно отмечено в форме **меха** – медведь.

Русские лексемы **олень, лань и лось**, надо полагать, происходят от одного индоевропейского корня **el: ol: елень, олень, олсь**. Последние две праформы предполагаются, но они не зарегистрированы в живых славянских языках. В слове же **олень** начальное **о** не обязательно из общеславянского **елень**: срав. латыш. **alnis** – **олень и лось** при литературном **elnis.**, срав. литов. **elne и alne- лань из олнь**. Следует подчеркнуть, что в русском языке используется ещё лексема **сохатый** (лось). Слова на **-атый** составляют своеобразную группу в данном языке: **хвостатый** зверь – зверь с хвостом, **горбатый** – с горбом, **сохатый** – это зверь с сохой или с большой сохой. Соха – это сельскохозяйственное орудие, которым раньше пахали землю. И сейчас лемех, или часть плуга, подрезающая снизу пласт земли, называется сошником. Древнейшая соха представляла собой большой развилистый сук или ветвь дерева. Один конец сохи заострялся и обжигался для большей прочности на огне. Позднее на него стали насаживать металлический наконечник. Таким образом, лось был назван **сохатым**, за его ветвистые, разлапистые рога.

В мифологической картине мира олень нередко изображается пасущимся у ствола

мирового древа; возможно, это обусловлено ассоциацией оленьих рогов с ветвями. Олень, как известно, обычно выступает олицетворением красоты, грации, быстроты в культуре русского и других славянских народов.

В бурятском же языке олень обозначается лексемой **оро. Оро үсхэбэрлгэ или үдхэлгэ** – оленеводство, **оро үдхэгшэ** – оленевод, **оро унаа** – олень как средство передвижения. **Ортон** – люди, занимающиеся оленеводством.

Представляет большой интерес и заслуживает поддержку предположение о том, что первая часть русского слова **росомаха зээгэн, дзэ** (монг.) где корень (**рос-** может быть из **орс-**) названия похожего на медведя хищного зверя **ursus**, ставшего научным термином: **rosomacus**, который сохраняет семантическую связь с общеиндоевропейским названием медведя. Следует подчеркнуть, что до раскопок в Новгороде (1951 г.) не было известно о том, что слово *росомаха* (с его совершенно непонятной второй частью) употреблялось уже в древнерусском языке. Оно отмечено в одной из берестяных грамот XIV-XI вв.: **бъла росомуха**.

Известно также, что древние монголы так называли и **собаку** – **зээгэн, дзэ**, ибо само название **нохой** «собака» было табуировано, поэтому вместо него в монгольских языках употреблялось слово **jegen** – племянник, которое восходит к древнетюркскому языку. В старомонгольском письменном языке данное слово имеет формы **чжиген и джиге** – «племянник по сестре», «сын сестры», которые превратились в **зэгэ – собака**.

Таким образом, природа (**байгаали, юртэмсэ** (бур.)) является постоянным окружением и средой обитания человека на протяжении всей его истории. Взаимодействие с окружающими ландшафтами – важный фактор формирования образа жизни и путей развития каждого отдельного народа. В традиционном мировоззрении монгольского народа особое место занимают представления о животном мире **амиды юртэмсэ** (бур.). Идеи единства всего живого, родства двух миров – людей и зверей, как известно, относятся к наиболее ранней истории человечества.

Фаунистическая лексика представляет собой достаточно информативную лексико-семантическую систему для изучения процессов и закономерностей этимологии, номинации, словообразования. Фаунизмы отличаются древностью и богатством, многообразием и самобытностью входящих в их состав лексических единиц. Терминология, относящаяся к лексике фауны, также привлекает внимание зоологов и этнографов. Проведенный анализ фактического материала позволяет констатировать, что именование предмета не может быть совершенно случайным. Мотивация большей частью осуществляется на основе биологически существенного признака, так как, называя предметы или их признаки, качества, человек закрепляет в сознании все то, что имеет значение для общественной практики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеева А.Л. Краткий философский словарь. – М., 2006. – 492 с.
2. Бертагаев Т.А. Лексика современных монгольских литературных языков. – М., 1974. – 383 с.
3. Богатова Г.А. История слова как объект русской исторической лексикографии. – М., 1984. – 255 с.
4. Будаев Ц.Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. – Новосибирск, 1979. – 302 с.
5. Будаев Ц.Б. Бурятские диалекты: (Опыт диахронического исследования). – Новосибирск, 1992. – 216 с.
6. Дондуков У-Ж.Ш. Развитие лексики монгольских языков. – Улан-Удэ, 2004. – 558 с.
7. Жамбалова С.Г. Традиционная охота бурят. – Новосибирск, 1991. – 174 с.
8. Русско-монгольский словарь / Под ред. Ш. Лувсанвандана. – Улан Батор, 1982. – 840 с.
9. Цыренов Б.Д., Рупышева Л.Э. Русско-латинско-бурятский словарь названий растений и животных. – Улан-Удэ, 2005. – 51 с.
10. Шагдаров Л.Д., Очиров Н.А. Русско-бурятский словарь. – Улан-Удэ, 2008. – 904 с.
11. Филин Ф.П. Проблемы исторической лексикологии русского языка (древнерусский период) // Вопросы языкознания. 1981. – № 5. – С. 3-16.
12. Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии. – М., 1956. – 327 с.